

С О О Б Щ Е Н И Я И З А М Е Т К И

В. П. МАЖУЛИС

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕЦИМАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Сравнительно-историческое изучение числительных (как и остального словарного материала) индоевропейских языков началось с появлением сравнительно-исторического языкознания. Многие проблемы, связанные с исследованием индоевропейских числительных, в настоящее время следует считать решенными; однако ряд важных вопросов требует уточнения. В нашей статье рассматриваются некоторые спорные вопросы, относящиеся к индоевропейской десятичной системе числительных¹.

*

Имеющиеся данные об индоевропейских числительных «2» — «10» говорят о том, что в индоевропейском языке-основе они существовали. Более того, своими истоками эти числительные уходят в очень древний период развития индоевропейского языка-основы. Древнеиндоевропейские числительные «2» — «10» не были заменены другими словами и после «распада» индоевропейского языкового единства; они дошли и до наших дней. Нет сомнения, что индоевропейские числительные «2» — «10» первоначально были словами, которые обозначали конкретные понятия, и лишь впоследствии путем абстракции стали названиями этих чисел; однако индоевропейцам еще не удалось установить первоначальные значения указанных слов ввиду большой древности и абстрактности данных числительных.

Что касается числительного «1» индоевропейских языков, то его нельзя возвести к одному общиндоевропейскому архетипу (в отличие от числительных «2» — «10»). Греч. *εἷς*, *μία*, *ἓν*, арм. *mi*, тох. В *ṣeme* указывают на архетип **sem-* (**sm-*); однако в остальных индоевропейских языках архетип **sem-* не представлен в значении числительного: гот. *samaþ* «вместе», др.-в.-нем. *samet* «вместе», др.-ирл. *som* «сам», ст.-слав. *самъ*, санскр. *sam-* «с-», авест., др.-перс. *ham* «с», лит. *sam-*, *san-*, *sa* «с-», ст.-слав. *сѣ*-и др. Данные слова восходят к архетипу **sem-*, который имелся в индоевропейском языке-основе, однако не в значении числительного, а в значении прилагательного², семантически

¹ В древнеиндоевропейском языке была только десятичная система, что удалось доказать Ф. Зоммеру (см. F. S o m m e r, *Zum Zahlwort*, München, 1951); он обосновал то, что в индоевропейском языке-основе десятичная система числительных не подверглась влиянию никаких сексагезимальных и т. п. систем числительных неиндоевропейских или протоиндоевропейских языков (вопреки мнению, господствовавшему до последнего времени).

² См. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М. — Л., 1938, стр. 409.

близкого, но не тождественного числительному «1» (из этого значения прилагательного впоследствии и развилось значение числительного «1»). Лат. *semel* «один раз», *simul* < *semol* «вместе», *similis* «похожий», *simplex* «простой», санскр. *sakṛt* «один раз», авест. *hakarət* «один раз», греч. ἕναξ «один раз» и т. п. также восходят к индоевропейскому архетипу **sem-* (**sm-*), но эти примеры не обязательно свидетельствуют о том, что в индоевропейском языке-основе слово с архетипом **sem-* обладало значением «1» (ср. приведенные выше гот. *samaþ*, ст.-слав. *самъ* и др.), хотя в ряде случаев, например в санскр. *sa-kṛt*, авест. *ha-kərət*, лат. *semel* и т. п., создались условия для развития значения, весьма близко к значению числительного «1».

Лат. *unus* < *oinos*, умбр. *unu* «один», др.-ирл. *ōen*, гот. *ains*, прусск. *ainan* (вин. падеж ед. числа), *ains*, лит. *vienas*, латыш. *viens* (оба к **ui-einas*¹), ст.-слав. *ѡдинъ* (< **einos*) и др. указывают на **oi/ei-nos*. Авест. *aeva* «1», др.-перс. *aiva* «1» восходят к **oiyos* (санскр. *ēkas* < **oi-* или **ei-* в отношении форманта *-k-* является, вероятно, индийским нововведением), не обладавшему первоначально значением числительного, ср. греч. *οἷος* < *οἷος* «единственный, одинокий». Как и-е. **sem-*, так и и-е. **oi/ei-no-*, **oi-yo-* первоначально не обладало значением числительного «1» (ср. греч. *οἷος*); подобным же образом и греч. *οἷος* «одно очко» (в игре в кости) не развилось в числительное «1» (причем в греческом языке и-е. **sem-* получило значение числительного).

Суммируя вышеизложенное, следует сказать, что архетип для числительного «1» в индоевропейских языках не является единым; к тому же архетип **sem-* в значении числительного никоим образом нельзя восстановить во всех индоевропейских языках; то же самое следует сказать и в отношении архетипов **oi/ei-no-*, **oi-yo-*. Этот разницей в архетипах числительного «1» по сравнению с общностью архетипов числительных «2» — «10» индоевропейских языков говорит о том, что числительное «1» образовалось гораздо позднее, чем числительные «2» — «10» и даже «100» (о числительном «100» см. ниже). Данные факты позволяют утверждать, что понятие числа «1» и его название возникли в период «распада» (или, в крайнем случае, в начале периода «распада») индоевропейского языкового единства; следовательно, в индоевропейском языке-основе числительного «1» не было² (хотя никак нельзя отрицать наличия в древнеиндоевропейскую эпоху слов с архетипами **sem-*, **oi/ei-no-*, *oi-yo-* и т. п., которые не имели значения числительных).

В индоевропейском языке-основе количественное числительное «10» было несклоняемым словом с архетипом **dékṃ* (именно только **dékṃ*); ср. греч. *δέκα*, лат. *decem*, санскр. *daśa*, арм. *tasn* и др. Лит. *desimtis*, прусск. *dessimpts*, латыш. *desmit* < *desimt* (диал. латыш. *desimt*³), ст.-слав. *десать* также указывают на и-е. *dékṃ*, однако с детерминативом *-t-*; подобный же детерминатив имеется и в германских языках, ср. гот. *taihun* (где наблюдается так называемое «сокращение окончания» —

¹ Некоторые лингвисты (даже и в последнее время) неправильно возводят лит. *vienas*, латыш. *viens* к **-oinos* (а не к **-einos*), например В. Пизани (см. V. P i s a n i, Glottologia indoeuropea, 2-е éd., Torino, 1949, стр. 15).

² Так, например, в языках некоторых народов Новой Гвинеи нет числительного «1», хотя имеются числительные свыше единицы (см. E. F e t t w e i s, Das Rechnen der Naturvölker, Leipzig — Berlin, 1927, стр. 53). Ср.: «Психология устанавливает, что первым числительным, которое осмысленно употребляется детьми, является не „1“, а „2“. Наше исследование так же показало, что числительное „1“ в культурно-историческом развитии счета не было первым осмысленно употребляемым числительным» (там же, стр. 88).

³ См. J. E n d z e l i ņ s, Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951, стр. 492.

«Auslauts kürzung»)¹ и др. Наличие данного детерминатива в числительном «10» не относится к древнеиндоевропейскому периоду, а является нововведением позднейших эпох. Это нововведение было прежде всего результатом обобщения тех форм числительного «10», которые оно принимало как второй компонент словосочетаний числительных, имевших значение «20» — «90» («100») (см. ниже).

*

Числительные «20» — «100» индоевропейских языков восходят к древнеиндоевропейским словосочетаниям, первыми компонентами которых были количественные числительные «2» — «10», а вторыми — количественное «10». В связи с образованием словосочетаний со значением числительных «20» — «100» и их морфологическим оформлением и.е. **dékmt̥* было распространено детерминативом *-t-*; отсюда — и.е. **dek̑mt-*. Ср. другие факты в индоевропейских языках, где зубной детерминатив присоединен к древним основам на сонанты: санскр. *yakṛt*, греч. ἄπατος < **ǵek̑nt-*, однако санскр. *yaknas* (род. п. ед. ч.), лит. *jėknos* «печень», лат. *jecinoris* < **jecinis* (род. п. ед. ч.) и др.

Древнеиндоевропейские словосочетания «20» — «90» в одних индоевропейских языках перешли в сложные слова очень давно (в связи с этим и.е. **dek̑mt-* > **k̑mt-*), в других — гораздо позднее (поэтому и.е. **dek̑mt-* не претерпело подобного изменения, т. е. и.е. **dek̑mt-* не перешло в **k̑mt-*), что рассматривается на конкретном материале ниже.

Древние черты сохранили греческие и латинские числительные «20» — «90». Греч. (беот., дор., фессал.) *ἕξῆντι*, аттич. *ἑξήκοντι* < **ε-Ḥξῆντι*², лат. *viginti*³ восходят к и.е. **dui* **dékmti* < и.е. **duiə* **dékmti* (ə) [*gint-*] — проходит и в остальных десятках («30» — «90») латинского языка]. К тому же архетипу следует возводить и брет. *ugent*, арм. *k'san* < **gisan*, санскр. *viṃśati*, авест. *vīśaiti*, тох. В *īkam* и т. п.⁴

Греческое *τριάκοντα* «30», где *τριά-* и *-κοντα* — форма им.-вин. падежа мн. числа среднего (неодушевленного) рода. В первом случае долгое *-ā-* (в *τριά-*) восходит к **-e₂-*, во втором — краткое *-ā* (в *-κοντα*) — к **-ə* (ср. греч. *ὑμῶν* < *αὐμῶν* < **-e₂*; зват. падеж *ὑμῶν* < **-ə*); за исключением *τριά* в *τριάκοντα* (ср. ион. *τρίῃκοντα*), окончание им.-вин. падежа мн. числа имен, представляющих древнеиндоевропейский неодушевленный род, в греческом языке только *-ā* < **-ə*, однако лат. *trīgintā* представляет долгий конечный гласный, т. е. *-ā* < **-e₂* (но лат. *trī-* в *trīgintā* восходит к **trīā*); как известно, в индоевропейском языке-основе роль множественного числа неодушевленного рода выполняло имя на **-ā* или на **-ə* с собирательным значением⁵. Что касается ступени огласовки *-o-* в греч. *-κοντα*, обнаруживающейся в греческих числительных «30» — «90» (*τετταράκοντα*, *πεντήκοντα* и др.), то она, вероятно, восходит не к древнеиндоевропейской эпохе, когда данные числительные были словосочетаниями, а к более позднему периоду, когда и.е. **dek̑mt-* в результате словосложения стал **k̑mt-*. Данный корень (**k̑mt-*) впоследствии в ряде

¹ Ср. А. Мейе, Основные особенности германской группы языков, М., 1952, стр. 150 и сл.; F. Kluge, *Urgermanisch*, 3-e Aufl., Strassburg, 1913, стр. 134, 253.

² См. П. Шантрэн, Историческая морфология греческого языка, М., 1953, стр. 124.

³ «Озвончение *k ⇌ g* (ср. греч. дор. *ἕξῆντι* «viginti») является неясным, нов латыни встречаются также и другие подобные случаи; ср. *quadrā-ginia* с *d* при *quattuor* с *t* (J. Otrębski i J. Safarewicz, *Grammatyka historyczna języka łacińskiego*, cz. I, Wilno, 1937, стр. 462 — 463).

⁴ Ср. А. Мейе, Введение..., стр. 412.

⁵ См., например, П. Шантрэн, указ. соч., стр. 17.

индоевропейских языков принял и другие ступени огласовки (в греч. -ο-), что связано по всей вероятности с местом древнего тона (ударения)¹; ср. греч. *δοτῆρ* и *δοτωρ*, *βοτῆρ* и *βώτωρ*, *ἡγῆτῆρ* и *ἡγῆτωρ*, *πραχῆτῆρ* и *πράχτωρ*, *πατῆρ* и *μητροπάτωρ* и др.² Ср. также брет. *tregont* «30», арм. *eresun* «30». Лат. *-gintā* находим как в *trigintā*, так и в числительных «40» — «90»; лат. *trigintā* восходит к и.-е. **triā* **dekm̥tə₂*. Санскр. *triṃśāt* «30», *catvāriṃśāt* «40», *pañcāśāt* «50», авест. *θrisqs* «30», *θrisatəm* «30», *čadwar̥satəm* «40», *pañcāsatəm* «50» в морфологическом отношении представляют нововведения: это — производные, склоняемые в единственном числе. По происхождению санскр. *-śāt*, авест. *-sat-* в этих словах аналогично греч. *-χατ-* в *ἑξήχατ* и т. п.

Первый компонент *τετρώ-* в греч. *τετρώοντα* «40» также свидетельствует об им.-вин. падеже среднего (неодушевленного) рода мн. числа, где *-ρῶ-* < **-r̥-* < **-rə³*; ср. лат. *quadrāgintā*, где *-rā-* в *quadrā-* восходит к **-r̥-* < **-rə³*. В последующих греческих числительных «50» — «90» находим общегреческое расширение *-η-*: *πεντῆχοντα* «50», *ἑξήχοντα* «60», *ἑβδομήχοντα* «70», *ὀγδοήχοντα* «80» (отсюда ион. *ὀγδώχοντα*), *ἐνενηήχοντα* «90». Удлиненный *-η-* в *πεντῆχοντα* (вместо **πεντέ-*, ср. греч. *πέντε* «5») появился под влиянием долгого **-r̥-* (*-ρῶ-* < **-r̥-* < **-rə*) в греческом числительном «40», ср.

греч. *τετρώοντα* (т. е. *τετρώ-* < **k^hetw̥-* < **k^heturə* — им.-вин. падеж мн. числа). Аналогичным же образом возникло и латинское расширение *-ā-*: *quadrāgintā* «40», *quingūgintā* «50», *sexāgintā* «60», *septuāgintā* «70» (где *septuā-* — по аналогии с древним **octuāgintā*, ср. греч. *ὀγδοήχοντα*), *nonāgintā* «90».

Итак, греч. *τριῶ (χοντα)* < и.-е. **trie₂*, *τετρώ(χοντα)* < и. е. **k^heturə*, лат. *trī (gintā)* < и.-е. *triə*, *quadrā(gintā)* < и.-е. **k^heturə*; во всех этих случаях представлена форма им.-вин. падежа мн. числа среднего (неодушевленного) рода.

Из указанных выше фактов вытекает, что в индоевропейском языке-основе числительные «20» — «90» были словосочетаниями, составные части которых имели формы, закономерные для имен существительных среднего (неодушевленного) рода⁵: «20» — и.-е. **dwiə* **dekm̥ti(ə)*; «30» — и.-е. **tri(e)₂* **dekm̥ti(e)₂*; «40» — и.-е. **k^heturə* **dekm̥ti(e)₂*; «50» — и.-е. **penk^he* **dekm̥ti(e)₂* и т. д.

О том, что в индоевропейском языке-основе числительные «20» — «90» были словосочетаниями, а не сложными словами, свидетельствуют также балтйские, славянские и германские языки, в которых эти числительные перешли в сложные слова очень поздно; так, в литовском языке и в настоящее время числительные «20» — «90» выступают как словосочетания: *dvi dēšimtys (dešimti)* «20», *trīs dēšimtys* «30», *kėturios dēšimtys* «40» и т. д.

¹ См. Н. Hirt, Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung, Strassburg, 1900; J. Kuryłowicz, L'accentuation des langues indoeuropéennes, Kraków, 1952, и др. Что касается др.-в.-нем. *zehan*, др.-сакс. *tehan*, то возведение к и.-е. **dekm̥ti-* следует считать спорным (ср. Э. Проккош, Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954, стр. 315.)

² См. E. Benveniste, Noms d'agent et noms d'action en indoeuropéen, Paris, 1948.

³ Ср.: F. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1914, стр. 45, 469; А. Эрну, Историческая морфология латинского языка, М., 1950, стр. 137, и др.

⁴ О том, что *ἑβδομή-* в *ἑβδομήχοντα* не является порядковым числительным, см. F. Sommer, Zum Zahlwort; это относится и к числительным «80», «90» греческого и латинского языков.

⁵ Ср. А. Мейе, Введение..., стр. 412.

В сравнительной грамматике и этимологических словарях индоевропейских языков¹ лит. *dešimtis* «10» часто трактуется как имя, восходящее не только к древнебалтийскому, но и к древнеиндоевропейскому склонению по типу основ на *-i*. Однако в литовских говорах и в древнелитовских письменных памятниках мы находим достаточное количество фактов, свидетельствующих о более древнем — согласном склонении данного числительного, а именно: род. падеж мн. числа: *dviejū-dešimtī* «10», *trijū-dešimtī* «30», *šešiū-dešimtī* «60» (Kaniava)², *trijų deschimtū* «30» (BrB, IV Moz., 4), *keturų deschimtū* «40» (BrB, I Moz., 8), *penkių deschimtū* «50» (BrB, II Moz., 27), *triių deszintū* «30» (DP 28³⁸⁻³⁹), *trijų dešzintū* «30» (DP 153²⁶), *szesziū deszintū* «60» (DP 580²⁷), *szeszių dešzintū* «60» (DP 507⁵), *triu desimtu* «30» (Sz PS II 185⁶); аллитив: *triump' deszintump'* «30» (DP 580⁴⁸); род. падеж ед. числа: *dešimtės* «10» (Rimšė, Kaniava), *deszintės* (DP 384²⁹; 586³⁷), *dészintės* (DP 381¹⁵); им. падеж мн. числа *dešimtes* (Kaniava) и т. д.

Данные факты со всей очевидностью говорят о том, что в древнебалтийском языке второй компонент числительных «20» — «90», т. е. «10», склонялся по типу основ на согласный: род. падеж мн. числа **dešimton*, им. падеж мн. числа *dešimtes* и т. п.; ср. ст.-слав. *пять*, *десать* и др. Следовательно, и в балтийских, и в славянских языках второй компонент числительных «20» — «90», т. е. «10» (и. е. **dekm̥t-*), в древности склонялся по типу основ на согласный; это соответствует согласному склонению древнеиндоевропейского **dekm̥t-*, к которому он непосредственно и восходит. Древнеиндоевропейское **dekm̥t-*, как уже сказано, характеризовалось средним (неодушевленным) родом, однако балтийское и славянское «10» — женского рода. Переход из среднего рода в женский в балтийских и славянских языках в данном случае связан, в частности, с тем, что в первых компонентах числительных «20», «30», «40» (которые, несомненно, употреблялись чаще, чем остальные), т. е. в числительных «2», «3», «4», древние формы среднего и женского родов совпали; ср. ст.-слав. *дваѣ* (жен. и ср. род), *три* (жен. и ср. род), *четыри* (жен. и ср. род), балт. **d(u)vei* (жен. и ср. род³).

Как в балтийских и славянских, так и в германских языках числительные «20» — «90» являются словосочетаниями (а не сложными словами, как в греческом, латинском и др.), ср. гот. *þrins tiguns* (вин. падеж), *fidwor tigjus*, *fimf tigjus* и т. д.⁴, где *tigu-* восходит к и. е. **dekm̥t-*⁵.

Еще задолго до того как осуществился переход балтийских, славян-

¹ См.: K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Teil 2, Lief. 1, Strassburg, 1909, стр. 22; S. Feist, Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, Leiden, 1939, стр. 471; J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Lief. II, Bern, 1949, стр. 191 и др.

² Ниже в статье даем следующие сокращенные ссылки на источники: BrB — Biblia, tatai esti Wissens Schwentas Raschtas Lietuwischkai pergulditas per Janą Bretkuna... Karaliaucziuiė, 1590 (использовалась фотокопия рукописи, хранящаяся в рукописном отделе библиотеки Вильнюсского гос. ун-та им. В. Капсукаса). Когда мы даем, например, BrB, IV Moz., 4 — это значит: IV книга Моисея, глава 4. DP — Postilla Catholica... Per Kūnigą Mikaloiv Davkszą... Wilniui, 1599 (использовалось фотографированное научное издание 1926 г.). Когда мы даем, например, DP 135²⁶ — это значит: 135 стр. 26, строка сверху. Sz PS — Šyrwids Punktay sakimu (Punkty Kazañ) I — 1629, II — 1644, hrg. von Dr. Franz Specht, Göttingen, 1929. Когда мы даем, например, Sz PS II 185⁶ — это значит: том II, стр. 185, строка 6 сверху. Написанные в скобках слова Kaniava, Rimšė обозначают названия местностей, где распространены восточноукшайтские литовские говоры.

³ Ср. J. Endzelīns, Baltu valodu skaņas un formas, Rīgā, 1948, стр. 155.

⁴ О германских количественных числительных «70» — «100» см. Э. Прокош, указ. соч., стр. 316—317.

⁵ См.: Э. Прокош, указ. соч., стр. 316; Fr. Kluge, указ. соч., стр. 254, и др.

ских и германских числительных «20» — «90» из словосочетаний в сложные слова, морфологически оформилось (в ед. числе) название первого десятка (т. е. «10»), в древнеиндоевропейском несложняемое (и. е. **dék̑m̑*): была обобщена форма, которую числительное «10» принимает в качестве второго компонента в словосочетаниях «20» — «90»¹; ср. лит. *dešimtis*, ст.-слав. дѣсѣтъ, гот. *taihun* и др. Что же касается санскр. *daśat*, *daśatis*, греч. δεκάς, δεκάδος (род. п.), то они являются санскритским и греческим нововведениями и не восходят непосредственно² к и. е. **dek̑mt-* (второму компоненту числительных «20» — «90»); ср. санскр. *daśa*, греч. δέκα.

Данный обзор показывает, что количественные числительные «20» — «90» в одной группе индоевропейских языков, а именно — в италийских, кельтских, греческом, армянском, индо-иранских, в очень древние времена превратились из словосочетаний в сложные слова; в балтийских же, славянских и германских языках этот процесс произошел гораздо позднее. В связи со сказанным мы решительно отвергаем положение А. Мейе о том, что «в германском, в балтийском и в славянском была восстановлена полная форма названия „десятка“ мужского рода» (разрядка моя. — В. М.)³.

Для числительного «100» данные отдельных индоевропейских языков позволяют без всяких трудностей восстановить архетип и. е. **k̑mtóm*; ср. лат. *centum*, тох. А. *kānt*, тох. В. *kante*, *-kānte*⁴, лит. *šimtās* и др. В индоевропействе уже давно существует мнение, что данное числительное восходит к и. е. **k̑mtóm* < **t̑k̑mtóm* < **d̑k̑mtóm* < **dek̑mtóm* (т. е. **dek̑m* + *tóm*).

А. Мейе также считает, что древнеиндоевропейское «100» выражалось производным ср. рода от **dek̑m* с суффиксом *-*to*- и регулярным склонением: *(*d*)*k̑mtó*-⁵; однако он не объясняет, откуда же появился этот суффикс -*to*-. Следует отметить, что в индоевропействе, даже в современной, нет достоверного объяснения данного *-*to*-. В недавно опубликованной статье Х. Янзена «Индоевропейские числительные 10, 100, 1000»⁶ делается попытка найти этимологическую связь *-*tom* в и. е. **k̑mtóm* < **dek̑mtóm* с лат. *-*tom* (*nomina collectiva*) в словах *arbustum* «место, где посажены деревья» (ср. *arbos*, *arbor* «дерево»), *cārectum* «место, поросшее осоклой» (ср. *carex* «осока»), *fructētum* «кустарник, место, поросшее кустами» (ср. *frutex* «куст») и т. п. Однако такое этимологизирование находится в явном противоречии с тем, что и. е. **k̑mtóm* расчленяется не на **k̑m̑-tóm*, а на **k̑mt-ó-m* (см. ниже). Лат. -*tum* в *arbustum* и т. п., по всей вероятности, причастного происхождения, ср. *arbustus*, -*a*, -*um* «усаженный деревьями», *barbatus*, -*a*, -*um* «бородатый» и др., где -*tus*, -*a*, -*um* тождественно -*tus*, -*a*, -*um* в *landatus*, -*a*, -*um* «похвальный» и др. (перфектное пассивное причастие). К тому же, если утверждать, что в и. е. **k̑mtóm* имеется суффикс *-*to*-, остается неясным, каким же образом в числительных «20» — «90» второй компонент **dek̑mt-*, склонявшийся по типу основ на согласный, соотносится с и. е. **k̑mtóm* < **dek̑mtóm*, склонявшимся по те-

¹ См. выше.

² Ср. два типа соотношений:

I, например, лит. *dešimtis*: *dvi dešimtī*, *trīs dešimtes*;

II, например, греч. δέκα: εἴκοσι (дор. *ἑἰκασι*), τριάκοντα.

³ А. Мейе, Введение..., стр. 412.

⁴ И. е. **k̑mtóm* в тохарском представлено как *kante*, *-kānte* (*kānt*). См. у Винтера: «Поскольку едва ли возможно, что *m̑* отражается иначе, чем **n̑*-, необходимо примирить два пути фонетического развития: *m̑* > *an̑* и **n̑* > *en̑*» [W. Winter, An Indo-European prefix **n̑*-, «Language», vol. 28, № 2, (p. 1), 1952, стр. 188].

⁵ См. А. Мейе, Введение..., стр. 413, и др.

⁶ H. Jansen, Die indo-europäischen Zahlwörter 10, 100, 1000, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1952, Heft 1/2, Berlin.

матическому типу. Наконец, выделение суффикса **-tom* в и.-е. **k̂mtóm* неправильно и потому, что существуют такие факты: лат. *-gint-(vi)ginti, trigintā* и др.) и *centum* «100», греч. *-κατ-* (*ἑκατὶ*) и *ἑκατ-όν*, санскр. *-śat-* (*viṃśati* и др.) и *śat-ām*, авест. *-sat-* (*θrisatəm* и др.) и *sat-əm* и т. п. Нет сомнения, что такие соответствия являются не случайными; лат. *-gint-*, греч. *-κατ-*, санскр. *-śat-*, авест. *-sat-* представляют тот же самый корень, что и лат. *cent-um*, греч. *ἑκατ-όν*, санскр. *śat-ām*, авест. *sat-əm*. Следовательно, никакого суффикса **-tom* в и.-е. **k̂mtóm* никогда не было, и правильным морфологическим членением и.-е. **k̂mtóm* является и.-е. **k̂mt-óm* (а не и.-е. **k̂m-tóm* < и.-е. **dek̂m-tóm*).

И.-е. **k̂mtóm* нельзя считать каким-то особым образованием, не связанным с предыдущими числительными «20»—«90» (о чем, в частности, уже говорилось выше). Эта связь вытекает из того, что словосочетаниями были не только «20» — и.-е. **duiś-dek̂mti(ə)*, «30» — и.-е. **tri(e)₂ dek̂mt(e)₂*, «90» — и.-е. **neum dek̂mt(e)₂*, но первоначально и «100» — и.-е. **dek̂m dek̂mt(e)₂*. В виду алитерационного повторения словосочетание «100» — и.-е. **dek̂m dek̂mt(e)₂* было заменено одним словом в собирательном значении (попеч. *collectivum*), т. е. «100» — и.-е. **dek̂mtē₂*, которое затем перешло в и.-е. **dek̂mtā* > **dk̂mtā* > **tk̂mtā* > **k̂mtā*. Впоследствии при более частом употреблении словосочетаний со значением числительных «200», «300» и др. и.-е. **k̂mtā* «100» включилось как второй компонент в данные сочетания. В дальнейшем и.-е. *k̂mtā* в этих сочетаниях закономерно было обобщено как форма множественного числа среднего (неодушевленного) рода¹. В связи с этим для обозначения «одной сотни» от и.-е. **k̂mtā* (им.-вин. падеж мн. числа среднего рода) была образована форма единственного числа, т. е. и.-е. **k̂mtóm* (в этой связи следует напомнить, что в индоевропейском языке-основе числительного «1» не было, см. выше). Что касается перехода первоначального согласного склонения и.-е. **k̂mtā* «100» < и.-е. **dek̂mtā* (см. выше) в тематическое и.-е. **k̂mtóm*, то это связано с тем, что: 1) и.-е. **k̂mtóm* «100» появилась гораздо позднее, чем и.-е. **k̂mtā* «100», 2) во время образования и.-е. **k̂mtóm* из и.-е. **k̂mtā* для формы им.-вин. падежа мн. числа среднего (неодушевленного) рода стали возможными случаи совпадения атематического и тематического типов склонения².

*

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Количественное числительное «1» индоевропейских языков не восходит к индоевропейскому языку-основе.

2. Числительные «20» — «90» в индоевропейском языке-основе являлись¹ словосочетаниями (среднего — неодушевленного — рода), первые компоненты которых — количественные числительные «2» — «9», а вторые — и.-е. **dek̂m-*. Данные словосочетания в одной группе индоевропейских языков, а именно — в итальянских, кельтских, греческом, армянском, индо-иранских, перешли в сложные слова в очень древние времена, а в другой группе — в балтийских, славянских, германских языках — данный процесс произошел гораздо позднее (в литовском он происходит в настоящее время).

3. Традиционное возведение и.-е. **k̂mtóm* к и.-е. **dek̂m-tóm* (где предполагается суффикс **-to-*) является неправомерным. И.-е. **k̂mtóm* образовано от и.-е. **k̂mtā*, восходящего к и.-е. **tk̂mtā* < и.-е. **dk̂mtā* < и.-е. **dek̂mtā*.

¹ Следует обратить внимание на то, что древнеиндоевропейские количественные числительные «20» — «90» также были среднего рода, что не могло не оказать влияния на род и.-е. **k̂mtā*.

² Ср. А. Мейе, Введение..., стр. 330.